

ЛЕС И ЛЮДИ

Книга первая

Трудное начало

Глава 3. Спецпоселок № 8

Из песни слов не выкинешь...

В конце двадцатых годов и в Башкирии началась коллективизация, а вместе с ней – раскулачивание. Ученые мужи исписали по этому поводу горы бумаги. Многие стали докторами. Некоторые, во второй половине восьмидесятых лукаво переписавшие старые диссертации, были обласканы и демократами.

Фотоархив Магинской школы. Репрессированные жители спецпосёлка Берёзовый Лог.

Но те, кого в ходе коллективизации объявили кулаками, на вопросы: «За что? Кто? Ради чего властные структуры тех лет так сделали?» – отвечают просто, без ссылок на труды ученых мужей, а все наболевшее и выстраданное примерно так излагают:

– Да ни за что! Работали, как и все. Политикой не интересовались. А если кто из нас и жил лучше соседей, так потому только, что семья большая была или работал других старательней...

– Активисты из комбедов. Те еще горлопаны были. Как идти на работу в поле – их не дозовешься. А вот покомандовать очень любили...

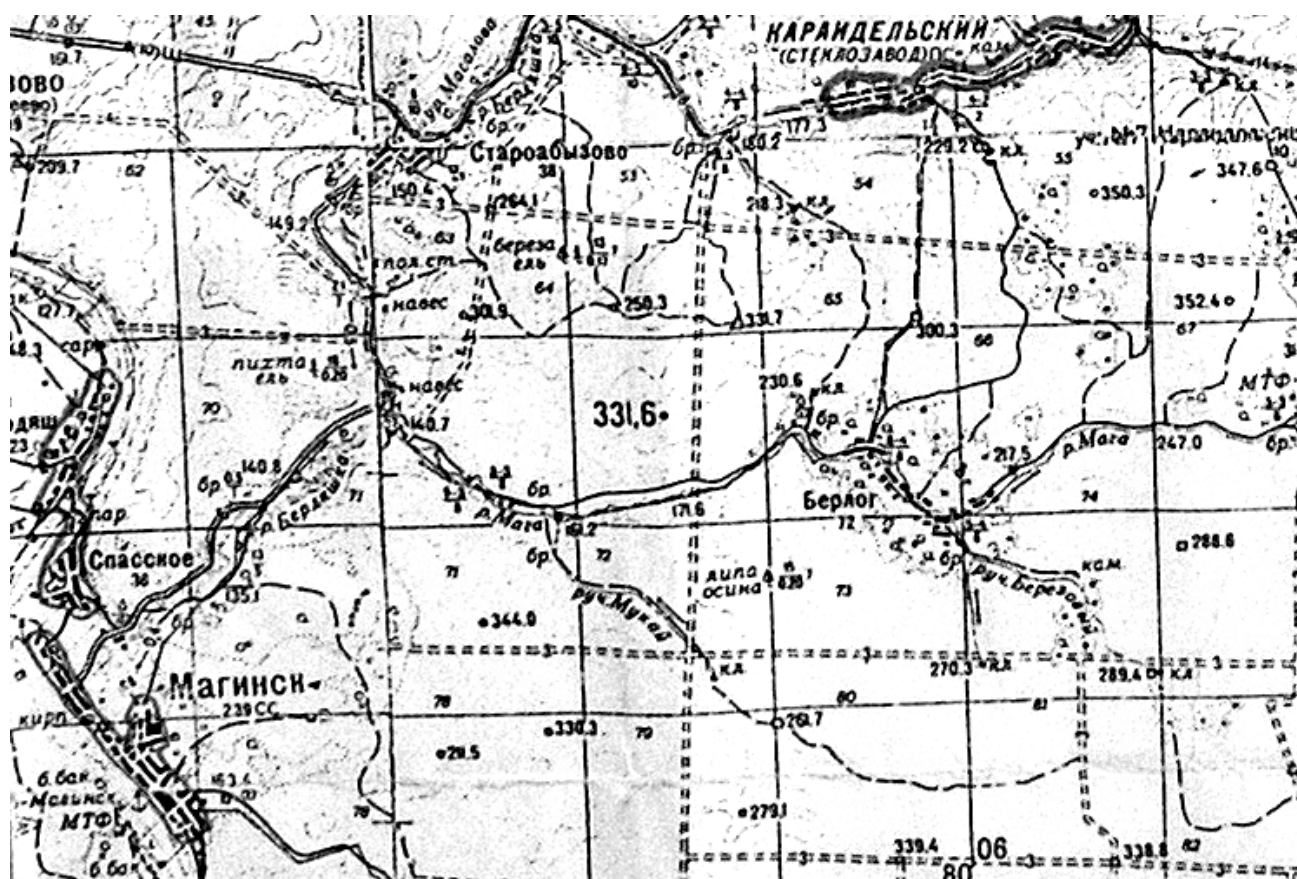
– Тогда не знали. Нам не докладывали. А тот, кто еще не знает, пусть судит сам по тому, как тем, что имели мы, и нами самими распорядились. Наше имущество властные структуры тех лет обобществили и за счет этого организовали колхозы, а самих под конвоем и за одну только «пайку» заставили: кого – заводы строить, кого – каналы прокладывать, кого – на лесоповале трудиться...

Фотоархив Магинской школы. Вырубка леса. 1931 год.

Сомнений в том, что все было именно так, сегодня нет. Практически всех раскулаченных вскоре после смерти Сталина

реабилитировали, а в конце восьмидесятых годов даже выдали им небольшие денежные компенсации. Но в довоенные годы их считали преступниками, обращались соответственно, а Магинский мехлесопункт со временем планировали преобразовать в предприятие круглогодочного действия. Судя по всему именно все это, вместе взятое, стало главной причиной того, что поздней осенью 1930 года в глухой лес в нескольких километрах от Магинска в течение месяца этапировали около ста спецпоселенцев.

Доставили их из пяти районов Башкирии: Аургазинского, Бирского, Благовещенского, Дюртюлинского и Кигинского. Привезли налегке – в том, в чем они были, когда пришли по вызову в сельсоветы, где их уже ожидал конвой. Они–то и основали поселок, в документах чекистов зарегистрированный как «спецпоселок № 8», а чуть позже получивший официальное название Березовый Лог: сокращенно – Берлог.

Примечательно, что Берлог строился по схеме, по которой в последующие годы строили свои новые поселки лесозаготовители. Первыми заложили комендатуру (чекистский аналог конторы), баню,

столовую, магазин, больницу и жилые бараки – в основном на шесть квартир. Чуть позже, по прибытию семей – школу, детский сад и клуб.

Семьи сосланных доставили в Березовый Лог в 1931 году. Первые из них прибыли в марте. По сравнению с главами семейств, при доставке к месту поселения женщинам, старикам и детям были сделаны послабления, но небольшие. Привозили их чаще всего на подводах. С собой позволили взять лишь очень небольшое из нажитого тяжким крестьянским трудом – часть одежки, посуду и скудный запас продуктов. Режим содержания поначалу был очень строгим. Власть коменданта поселка ничем не ограничивалась. Без его разрешения нельзя было даже отлучиться в соседние деревни обменять вещи на продукты. Нарушителей задерживали и милицейские посты – на дорогах, и активисты – в деревнях. Большая часть таковых отделялись кратковременным заключением в «кутузку» – или в Караиделе, или в Берлоге. Но, бывало, – нарушители попадали и в тюрьму. Некоторые вообще сгинули без следа. Работать обязывали всех. От выработки зависела величина пайка. Были случаи, когда ослабевшие от недоедания люди умирали по дороге на работу.

Спецпоселенцы

Ольга Васильевна Суслова родилась в 1910 году в Благовещенском районе Башкортостана в крестьянской семье. В 1928 году вышла замуж за Семена Алексеевича Кропотова, единственного сына кузнеца из деревни Багышлы того же района. Семья Кропотовых жила по тем временам зажиточно. Дом был новый и просторный, на каменном фундаменте и покрыт железом. Были и добротные надворные постройки: конюшня, хлев, баня и амбар. Кроме того, была еще кузница. Был и земельный надел.

Муж со свекром от темна до темна трудились или в кузнице, или в поле: наемных работников у них никогда не было. Ольга Васильевна и свекровь управлялись дома со скотиной, которой – даже по сегодняшним меркам – было не так уж много: корова, лошадь, овцы, свинья и куры. Они же обихаживали огород, а при нужде в том помогали мужчинам и в полевых работах.

Однако в конце двадцатых размеренному укладу жизни пришел

конец: в деревне организовали колхоз. Вступили в него и Кропотовы. Но вскоре их исключили из колхоза. Чем это грозило в те времена, все знали. Потому свекор, опасаясь высылки, уехал из деревни. Дома остались молодые и больная свекровь. Семен Алексеевич и Ольга Васильевна предшествующую высылке зиму проработали на лесозаготовках в своем районе. Казалось им даже, что все обошлось. Но осенью 1930 года Семена Алексеевича вызвали, не сказав зачем, в сельсовет. Домой он уже не пришел. В тот же день его отправили в Блазавод, а оттуда – вместе со многими другими – на пароходе в Магинск и далее, уже пешком, в лес – на полянку в долине речки Мага, где намечено было построить спецпоселок № 8.

Мужа выслали, когда Ольга Васильевна еще не оправилась после родов: ребенку была от роду неделя. Нелегко было и ей, и больной свекрови без помощи мужчин обеспечить себя хотя бы хлебом насущным. А тут еще настойчивые требования освободить дом: местный актив частенько (выдворив предварительно хозяев) проводил в нем собрания, и собирался открыть ясли. Потому–то в июле 1931 года на двух подводах отправили в Березовый Лог и Ольгу Васильевну с грудным ребенком, и ее свекровь – Наталью Алексеевну. В Берлоге они вселились в недостроенный барак, в котором были только стены, пол да потолок. Окна, дверь и печь сделали они уже потом. И в первую же неделю им со свекровью пришлось выйти на работу. А о том, что довелось испытать семье Кропотовых, говорит хотя бы то, что трое первых детей у них умерли. Выжили и выросли только дочь Дина и сын Александр: Дина родилась в 1935 году, Александр – в 1941.

Николай Егорович Выгузов тоже не по своей воле прибыл в Березовый Лог. Родился он в Караидельском районе в деревне Тураево. Крестьянами были все, скольких он помнит, его предки. Семья была большая, детей – пятеро: Михаил – 1908 года рождения, Павел – 1910, Иван – 1912, Николай – 1914, Анна – 1917. Старший брат – Михаил, еще до смерти матери был отдан в сыновья бездетному односельчанину деду Кузьме и с ними не жил. Но отец после смерти матери (в 1920 году) женился еще раз. Через некоторое время появились дети от второго брака. И хотя хозяйство у отца по те временам было немалое – пара лошадей, корова с подростками и

овцы, такой большой семье дохода только с хозяйства на прожить не хватало. Потому—то Николай в школу пошел лишь на четырнадцатом году. Но проучился только два месяца и бросил. Ради пропитания в ноябре 1928 года ему пришлось уйти на заработки в леспромхоз. Работал сначала в бригаде плотников на строительстве конно—ледяной дороги в долине речки Кирзя.

Фрагмент карты военного топографа И.А. Стрельбицкого.

По возрасту и силе поручали ему тогда только пригляд за костром и кипячение чая. Но и это нелегко было сделать в лаптях вместо валенок и ветхой одежде. Грядущее глобальное потепление в те годы еще не ощущалось. И зимы были лютые: тридцати—сорокаградусные морозы для периода с ноября по март были не исключением, а нормой. Когда дорогу достроили и начали эксплуатировать, Николай стал работать на ее очистке от снега.

Весной и летом 1929 года, будучи всего-то пятнадцатилетним подростком, – на очистке от порубочных остатков лесосек, а также окорке и погрузке балансов. Затем, вплоть до лета 1931 года, сначала на Атамановской круглоблочной дороге – рабочим на погрузке и разгрузке, а потом на строительстве Яман–Елгинской УЖД – на возведении земельного полотна.

В начале лета 1931 года Николай вернулся в родную деревню. За год до того его отец с мачехой и детьми от второго брака уехали, не сказав куда, – они опасались раскулачивания. Не было уже и лошадей, и сельхозинвентаря, и большей части вещей. Кто, когда и почему все это забрал – Николай даже не попытался узнать: небезопасно тогда это было. Он просто стал жить в разоренном доме вместе с братьями Павлом и Иваном и сестрой Анной. Павел и Иван работали тогда на сплаве.

Николай тоже устроился на работу в недавно организованный колхоз «Пятилетка». А четырнадцатилетняя Анна вела немудреное хозяйство, да ухаживала за небольшим огородом. В семье Выгузовых наемных работников никогда не было. Потому все четверо никакой вины за собой не чувствовали. И были уверены, что их не тронут. Но они ошиблись. В середине лета 1931 года Николая вместе со старшими братьями задержали и на телегах увезли сначала в Байки, а потом в Аскино. Николая, поначалу, как малолетнего, отпустили: ему было 17 лет. Но и недели не прошло, как забрали не только его, но и сестру Анну. Было это так. Николай работал в поле. Подошел к нему бригадир. Велел идти домой. У дома уже ждала подвода. Пока он с сестрой грузил на подводу «шмотки» (вещами их нельзя было назвать), соседи собрали для них котомку с продуктами – и в Аскино. Там и встретились они со старшими братьями. Вместе с ними их увезли на станцию Щучье Озеро, и вместе с ними пять суток в телячьем вагоне ехали они в далекую Иркутскую область.

Высадили всех высланных неподалеку от станции Черемхово в чистом поле. Расселились они в наспех сооруженных шалашах и без раскочки принялись за строительство спецпоселка Шадринск. Поселок строили для будущих работников расположенных неподалеку угольных шахт. Именно там стали работать высланные, после того как достроили бараки и служебные объекты нового спецпоселка. Режим

содержания в Шадринске был не жестче, чем в других такого же типа учреждениях. Но тянуло на родину. И в разное время братья Выгузовы сбежали из Шадринска. Но недолго довелось им побыть вольными людьми. Николая задержали весной 1933 года, когда он работал на сплаве на Уфимке. После недолгого заключения в КПЗ – его отконвоировали в Березовый Лог. Чуть позже в Березовый Лог привезли и обоих его братьев.

Казарменный социализм: теория

Сдается, не пришло еще время давать однозначную оценку В.И. Ленину. На мой непросвещенный взгляд, пока еще, если будет в том нужда, разумнее ограничиться повторением слов Герберта Уэльса « ...кремлевский мечтатель...» и первой части афоризма новейших времен политика « ...хотел как лучше...». И сделать так хотя бы потому, что и Петра Великого его современники, и в первую очередь родственники тех, кому «крутой» реформатор лично отрубил головы, явно не так, как мы сегодня, величали-жаловали. Тем не менее, я уверен, все россияне сойдутся в том, что рассказывать о советском периоде в истории страны и не цитировать Ленина – некорректно.

Советский плакат

Подчеркиваю также: все цитаты из документов, написанных

основателем СССР еще до гражданской войны, в относительно спокойные ноябрь и декабрь 1917 года, впоследствии названные месяцами триумфального шествия советской власти. Итак, приступаю:

В статье: «Наброски программы экономических мероприятий» – Ленин одну из задач основанного им государства определил так: «Централизация потребления путем принудительного объединения в потребительные общества». (22 ноября 1917 года). Развивая свою мысль, в проекте одного из декретов он отметил: «...потребительные общества национализируются, обязуясь включить в свой состав все население данной местности поголовно». (24 – 27 декабря 1917 года). В проекте другого декрета им же написано: «Вводится всеобщая трудовая повинность. Все лица обоего пола с 16 до 55 лет обязаны выполнять те работы, которые будут назначаться... органами советской власти». (14 декабря 1917 года).

Удостоверение, которым В.И. Ленин пользовался в начале 1917 года.

Не только о трудовом соревновании и статья «Как организовать соревнование?», написанная 24 – 27 декабря 1917 года. Начало вроде бы безобидное:

«В какой коммуне, в каком квартале большого города, в

какой деревне нет голодных, нет мерзавцев из лакеев буржуазии, саботажников, называющих себя интеллигентами? В какой больше сделано для повышения производительности труда, для постройки новых хороших домов для бедноты, для помещения ее в домах богачей, для правильного снабжения бутылкой молока каждого ребенка из бедных семей? – вот на каких вопросах должно развернуться соревнование коммун, общин, Советов.

Тридцатые. Советский плакат

Однако в этой же статье есть и рекомендации, как убеждать не согласных. Дословно это звучит так: «Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть ...испытаны на практике. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы. В другом – поставят их чистить сортиры. В третьем – снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ... надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом – расстреляют одного из десяти, виновных в тунеядстве...»

Насильственные методы переустройства общества ставили во главу угла и другие видные политические деятели. В частности, Л.Д. Троцкий – в первые годы советской власти второй по влиянию руководитель государства – выдвинул и обосновал идею создания трудовых армий. Граждан, не проявляющих должного энтузиазма, а тем более – сопротивляющихся, предполагалось «карать». Причем карать всерьез.

Через несколько лет В.И. Ленин радикально изменил взгляды на выбор конкретных способов реформирования государства. Самое убедительное тому подтверждение – НЭП, то есть новая экономическая политика. Но в 1924 году Ленин умер. К концу двадцатых годов перестал быть одним из лидеров Страны Советов и Троцкий. А на вопрос: «Есть ли что-нибудь общее между «рецептами» устройства государства, которые Ленин и другие вожди сформулировали в конце 1917 года, и действительностью спецпоселка в первые годы существования?» – читатель, я уверен в этом, и сам ответит...

Казарменный социализм: практика

Первым комендантом Березового Лога был недоброй памяти Мензелинцев. Помогали ему двое милиционеров. Поселок был разделен на пять участков. Во главе участков были поставлены участковые, а в участках на каждые два–три барака – старшие. Во время лесозаготовок работами руководили мастер и десятники из вольных.

Мастер и десятники сводки о том, что сделано за день, подавали коменданту. Участковые и старшие обязаны были ежедневно ему же докладывать о выполнении норм выработки на лесосеке и соблюдении режима спецпоселенцами в поселке. Обмануть коменданта даже в мелочах было трудно: доклады участковых и старших он проверял и лично, и по доносам «стукачей» – к сожалению, такие в Берлоге тоже были...

Управлял Мензелинцев «железной» рукой, без колебаний и сомнений, не скупясь на наказания. Одно из таковых – это ночь в «каталажке». Особенно плохо было в ней зимой. Отапливалась

каталажка символически. Не было ни малейшей возможности подсушить одежду. Питания в каталажке не полагалось – обходились тем, что тайком приносили родные. А утром, промаявшемуся ночь спецпоселенцу – замерзшему, голодному, в сырой одежде – приходилось идти на работу, как и всем другим.

Практиковали в Березовом Логе наказание и особо тяжелой работой. Провинившиеся ломали в карьере камень, грузили на телеги, и на себе везли к местам строительства. А уж мат и оскорбления так и сыпались из уст Мензелинцева по любому поводу.

Но основной работой были все же лесозаготовки. На работу и с работы водили только строем: и для поддержания дисциплины, и для того, чтобы (в зимнее время) утоптать лесовозную дорогу. Работали звеньями по два–три человека. Валили лес поперечными пилами. Обрубали сучья с деревьев и раскряжевывали их на сортименты рядом с местами валки. Сортименты подтрелевывали к лесовозной дороге лошадьми. Зимами заготовленный лес вывозили за тягой гусеничных тракторов по одно или двух полозной ледяной дороге. Трактористами, чаще всего, были вольные из Магинского мехлесопункта. Но грузили сортименты на подсанки только спецпоселенцы.

Вывозили лес и летом. Но мало. В этом случае древесину грузили на оборудованные чугунными колесами тракторные прицепы. А так как летом всю заготовленную древесину не удавалось вывозить, ее укладывали в бунты (рядовые штабеля) вдоль трассы лесовозной дороги для последующей вывозки по зимнику. Все работы были жестко нормированы. От выполнения нормы напрямую зависел размер пайки. Не осиливших норму – наказывали.

На пайку выдавали хлеб, – пекарня работала с первых месяцев существования поселка, а в котлопункте, по утрам, и вечером после работы, – жиденький суп. Был в поселке и магазин. Но ходили в него спецпоселенцы не часто: не было денег. Их труд хотя и оплачивался, но на руки они получали копейки. Наряды на выполненную ими работу не показывали, сверяться – не позволяли. За что и сколько делали вычетов, – не говорили.

Запрещали также обменивать хотя и старые, но пригодные к употреблению вещи на продукты в соседних деревнях. Нарушителей (и покупателей, и продавцов) жестоко наказывали. Но не всех это

останавливало. Кое у кого выбора фактически не было: в начале тридцатых годов в Березовом Логе многие с голода пухли, некоторые, особенно дети, – умирали. Высока была смертность и от болезней. Хотя в поселке и был фельдшер, – работал он под контролем коменданта, а потому от работы освобождал редко. Невелики были и его профессиональные возможности, так как медикаментов хронически не хватало. Мало было и специального медицинского оборудования.

Быт спецпоселенцев тоже был безрадостен. Выражение: «Больше трех не собираться!» – шуткой в те годы не было. Не было ни вечеринок, ни праздничных застолий. В клуб спецпоселенцы ходили только на собрания, на которых обсуждались производственные вопросы да оглашались, касающиеся работы и режима содержания, приказы и объявления. Не для спецпоселенцев была при Мензелинцеве не только библиотека, но и газеты.

Начало перемен

Начиная с 1933 года, режим содержания спецпоселенцев постепенно смягчался. После Мензелинцева комендантами были Князев, Симонов и Мартьянов. Каждый последующий комендант относился к спецпоселенцам чуть лучше, чем предыдущий. Поубавилось издевательств и грубости. Берлоговцам разрешили ходить на базары в окрестные деревни и Караидель. Расширился ассортимент товаров в поселковом магазине. В продаже – официально только для вольных – появилась даже водка. Продолжала функционировать «каталажка», но меньше стало в ней невольных постояльцев. Спецпоселенцы начали ходить в клуб не только ради собраний. Раза два в месяц в поселок заезжала районная кинопередвижка. Брать книги в библиотеке разрешили всем. Самодеятельные артисты – и берлоговские, и из Стеклозавода, и райцентровские – все чаще радовали концертами. Более действенной стала и медицинская помощь: коменданты меньше вмешивались в работу фельдшера.

С 1934 года стало легче и с «хлебом насущным». Жители поселка, что называется, обжились. Выкорчевали пни рядом с бараками и

обзавелись огородами. У многих появился скот. Конечно, очень трудно было накопить деньги на покупку коровы, и даже телки.

Фотоархив магинской школы. Жители Берёзового Лога на заготовке сена.

Но с 1936 года лучше стало и с деньгами. Главная тому причина – в том году наконец-то надлежащим образом оформили то, что давно уже на самом деле было. И существенно укрупнили Магинский мехлесопункт, передав на его баланс производственные и жилые объекты Березового Лога. В результате в составе мехлесопункта появился новый большой цех – Берлоговский лесозаготовительный участок, а все трудоспособные обитатели поселка стали его постоянными работниками.

Самым отрядным для спецпоселенцев во всем этом стало то, что заработную плату им начали начислять в том же размере, что и вольным. Кроме того, комендант все чаще вынужден был направлять спецпоселенцев (как правило, высокой квалификации) на работу и в Магинск, и в другие участки леспромхоза.

Присоединение к леспромхозу положительно сказалось и на всем остальном в повседневном быту берлоговцев. Улучшилось питание детей в детском садике и яслях. Мест в них хватало всем желающим. А через год детский сад стал работать круглосуточно: сделано это было

по просьбе родителей, беспокоившихся за детей. Сами родители (нередко одновременно и отец, и мать) сутками не могли уйти с реки во время молевого сплава, а в другие времена года с отдаленных участков приходили они в поселок только на выходные.

**СТРОИТЕЛЬСТВО КЛУБА В СПЕЦПОСЕЛКЕ № 8
(ФОТОГРАФИЮ СОХРАНИЛ СЫН СПЕЦПОСЕЛЕНЦА П. Е. ВЫГУЗОВА)**

С полной нагрузкой, и для местных детишек, и для их сверстников из окрестных деревень, заработали в те годы в Берлоге две школы – начальная и неполная средняя. Причем сразу на двух языках: русском и татарском. А с 1938 года обитатели Березового Лога стали участвовать и в выборах. С того же года самых способных организаторов из числа спецпоселенцев стали назначать мастерами, главными специалистами и даже начальниками.

Однако давно очевидное, то есть то, что спецпоселенцы такие же, как и все остальные в СССР, советские люди, берлоговцам и в войну, и в мирные дни пришлось много еще раз доказывать, так как окончательно упразднили комендатуру в поселке только в 1947 году.